

ВОСКРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ СЕЗОН

Тульские театралы, не обходившие своим вниманием Театр юного зрителя, помнят Юрия Ратникова во всякие времена, потому что работает он на этой сцене 25-й год. Вся его юность как будто вела его в театр: до службы в армии был активнейшим участником драмкружка во Дворце культуры «Серп и молот», причем уже там в нем проявлялась способность к перевоплощению и характерности — мальчишкой играл роль Варлаама в «Борисе Годунове»... Служил на Сахалине. В частях был объявлен конкурс в войсковой ансамбль песни и пляски, Ю. Ратников прошел конкурс и стал в ансамбле ведущим чтецом. Коренной туляк (отец начал свою карьеру «мальчиком» у тульского богача Платонова, а в 1942 году погиб на фронте под Ленинградом), Ю. Ратников, объехав с ансамблем все Приморье, в 1956 году ушел в запас, вернулся в родной город и пришел в ТЮЗ — навестить приятеля. Уж каким чутьем, непонятно, угадал в нем артиста главный режиссер П. Н. Дюмон, но только он подошел и спросил:

- Вы актер?
- Как сказать... Я чтец.
- Хотите у нас работать?
- Хочу.

Так он был принят на работу. Готовилась пьеса Ванникова «Саду цвеств», Ратникова ввели на главную роль, и через шесть репетиций он дебютировал. Чуда не произошло: рецензент отметил скованность, недостаточную органичность молодого исполнителя. Зато уж, готовясь к следующей роли, Ю. Ратников, как он говорит, «грыз удила». К четвертой репетиции двадцать страниц текста знал наизуток, оставалось слушать режиссера, думать, искать образ... Следующая рецензия отметила его успех в спектакле.

И вот уже сыграно более ста ролей, двадцать пять лет отдано ТЮЗу (театры, как правило, имеют немного столь постоянных актеров), вот и юбилей — исполнилось пятьдесят.

— Юрий Дмитриевич, артистов принято спрашивать о любимых ролях, о героях, ставших близкими. Не хочу отступать от традиции...

— Что ж, любимые роли — это ведь главное в нашей жизни. Я всегда был жаждою до работы, играл многое, и в самых различных планах... Однажды в одном спектакле исполнял шесть ролей — была такая любопытная пьеса «Лучше остаться мертвым». Моими героями здесь были врач-психиатр Штоль, секретарь магистратуры Крумбауэр, патер Шон, директор страховой конторы Трессер, кабатчик Сальваторе, мотогонщик Бен. Люди на редкость разные — по возрасту, характерам, положению... Вот где было раздолье! Необходимо быстро переключиться, сыграть целую гамму чувств — от благородства до подлости; острая характерность каждого, такая разная пластика — от старика до молодого спортсмена... Это было интересно, здесь надо было поработать! Помогала, конечно, вахтанговская школа...

— Простите, вам удалось закончить образование?

— Да, в семидесятых годах при ТЮЗе работал филиал театрального училища имени Щукина, занятия с нами вели артисты вахтанговского театра. Итак, о ролях. Одна из любимых — Фаунион в «Нашествии» Леонова. Счастье столкнуться с таким материалом, где нужно сыграть характер по-человечески многогранный, где можно показать его в развитии...

— Словом, речь уже зашла об авторах пьес...

— Да, конечно. Шекспир — это Шекспир, играть в любой его пьесе — счастье. Афористичность, красота языка, простор для пластики, бездонность мыслей — в этом он сродни Гоголю. Я играл Меркуцио в первой тузовской постановке «Ромео и

Джульетты», городничего в «Ревизоре». Та и другая работа мне дороги, они — этап жизни и потому незабываемы... С удовольствием вспоминается «Бесприданница» — я играл Паратова; Яков в «Последних» Горького... Ведь играешь не текст — играешь страсти, конфликты, столкновения. Жизнь. Потому и хочется играть в хороших пьесах. Кстати, бывает иной раз и такая роль, что кажется — не разыгрался. Вот Яков в «Последних»... Больной человек — и только? Но ведь нельзя играть просто больного, это скучно. Надо думать, искать. Я играл преодоление Яковом болезни...

— А как долго продолжается работа над ролью?

— Столько, сколько идет спектакль, живи он хоть десять лет. Она бесконечна, каждый день можно находить новые черточки, детали, то углубляющие характер, то делающие все внешнее более ярким и характерным. Особенно интенсивна работа, конечно, вначале. Поэтому я считаю, что каждый премьерный спектакль должен идти в первое время часто, пять — семь раз подряд. Только тогда придет естественность, органичность к каждому актеру, свобода движений и речи. Ведь очевидно: сколько ни репетируй, по-настоящему образ создается только на публике, когда из зрительного зала к актеру идут невидимые, но могучие токи, заставляющие весь его мозг и сердце работать с полной отдачей.

— Какие роли сейчас вы играете с особым удовольствием, что репетируете?

— Судьба тузовского актера такова, что основной свой репертуар он проживает молодым. Потом ему остаются роли отцов и дядюшек. Но и в них можно найти удовлетворение. Есть же еще и сказки! С великим удовольствием играю роль царя в «Коньне-Горбунке», не уставая восхищаться чудесным языком и искрометным юмором Ершова. С 1974 года идет в нашем театре «Аленький цветочек», где я — бесменный отец трех дочерей, в моем понимании — умный, добрый, сильный русский человек. Вообще, в последние годы приходится искать самые разнообразные краски, чтобы мои «русские мужики» в сказках были разными. Сейчас репетируем сказку «Не уходи, Шишок». Я играю крестьянина Прохора. Этот — хитрый, прижимистый, но глупый и смешной. А в «Серебряном копытце» старик Кокованя имеет совсем иной характер... Вообще говоря, для артиста, я считаю, каждый возраст несет с собой новые возможности, новые открытия, которые могут быть счастливыми и неожиданными...

Л. НОСКОВА.

Тула.

На снимках: Ю. Д. Ратников; он же в роли городничего в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Фото В. Воронова и Ю. Дмитриева.

